

— **К**стати, на мысе Морозова с нами в роте медведь жил белый. Нашли маленького медвежонка: не знаю, ему, наверное, месяца не было. Потеряла, видно, медведица. Или, может, убили ее, хотя их вообще не стреляют — Красная книга, да и просто не стреляли.

Такой он симпатичный, такой был потешный. Мы его в строй — он и привык: становился на левом фланге в последнем ряду вместе со всеми. Мы шагаем к столовой, все заходят — он под крыльцом, ему выносят — он ест. Потом опять в строй и в казарму.

Этот миша жил-жил, пока полгода мы там были. А он за полгода такой здоровый стал, я думаю, килограмм 300 с лишним. Он роста стал выше бойцов. А оно всё в голове дурное же. Мы идем, ему подурачиться хочется, берет лапой по башке кого-то, ну, когда шапка — ничего, а так и скальп снять можно.

В общем, короче, начали думать, как от него сдыхаться¹. Он что такое вездеход ГТСка знал, садиться не боялся. Я его в ГТСку, отвезли километров за 30, в тундре выкинули — ну, какую-то там ему замануху дали, он вышел, мы сели, уехали. Так он же пришел обратно, гад. В общем, запросил я, что делаем. Я говорю: «Опасно, ребята, я не отвечаю». «Делай, что хочешь, — отвечают, — но стрелять запрещаем».

¹ Избавляться. *Прим. ред.*

Кончилось тем, что зашел к нам какой-то танкер — просто по погоде, ледовая обстановка не шла — так я его туда сбагрил, на этот танкер. Вот он так и уплыл, а то это был конец света.

На той же Новой Земле с белыми медведями много разных историй было. В году не то в 63-м, не то в 64-м на 1 Мая уже солнышко вышло, и вот уже взрослый белый медведь зашел в гарнизон.

Я разговаривал с комендантом гарнизона, он рассказывал. На пирсе стоит балок — это на Севере такой дом передвижной на полозьях, чтобы по снегу его возить — там сидит дежурный по пирсу, который смотрит за стоянками кораблей. И вдруг открываются двери, и запихивается медвежья туша. Медведь в дверь зайти не мог, так, голову засунул. Дежурный, с перепугу, по громкой связи, по радиии кричит дежурному по гарнизону: «В гарнизоне медведь, принимайте меры».

Ну, а 1 Мая — все по домам, все в гарнизоне, все же в общежитиях живут — высыпала эта толпа офицеров, пару тысяч человек точно было. Все молодые, аля-улю, погнались медведя. Медведь с перепугу на залив удирает, но мы же умнее медведей — нашли корабельную сетку, догнали медведя, накинули, повязали. А дальше началось, что с ним делать. Ну, где-то же ему жить надо, накормить не вопрос — рыбы навалом, а физически жить надо где-то. Сварили у нас, у строителей из рельсов здоровую клетку, посадили его туда.

Но начальник гарнизона говорит: «Нафига мне в гарнизоне ваш медведь?».

В ту пору летала транспортная авиация из Москвы, и начальник гарнизона поручает коменданту: «Вот бери

СЛАВА

свою клетку, бери своего медведя, вези в Москву и дари там какому-нибудь начальнику Минобороны».

Загрузился тот, прилетает в Москву, выгрузился, пришел в Минобороны, а ему там резонно говорят: «А нам он зачем?». Он, бедный, пошел в Московский зоопарк: задаром, вот, медведя привез. В зоопарке ему отвечают: «У нас штат заполнен, мы его кормить не собираемся, нам и держать его негде». Две недели он бродил по Москве с медведем, пока не приехала какая-то делегация Министерства обороны ГДР, и он ей вручил этого медведя в качестве большого подарка.

СЕМЬЯ

— **Р**одился я в счастливый 1940 год, когда еще не было войны и было все очень хорошо. Папа и мама жили и работали в Днепропетровске.

Папа 1907 года рождения, он рассказывал, что попал в Днепропетровск лет в семнадцать — просто на заработки. Специальности не имел, поэтому брался за все подряд.

Сам он из Брагина: я узнавал, это было не село — такое бедное еврейское местечко в Минском уезде. И папа там даже окончил не то один, не то два класса церковной школы — считалось, что еврейский мальчик должен поучиться, чтобы мог стать потом ребе¹. Мне очень мало известно, что там было, из всех брагинских родственников я знаю только папиного брата, который всю войну отвоевал, и двух его сестер, моих тетей. Это всё. А за время оккупации из евреев Брагина почти никто не уцелел...

Когда папе исполнилось восемнадцать — в 1925 году — он попал в среду комсомольских и партийных активистов. Это ему оказалось близко, он очень хорошо себя

¹ Раввин у ашкеназских евреев, а также титул учителя в иудейской начальной школе. *Прим. ред.*

почувствовал на общественной работе. Надо отдать должное, он был очень контактный человек, хорошо сходился с людьми. Во всяком случае, когда его хоронили, полгорода точно пришли на похороны, и не потому, что он какую-то должность занимал или с него можно было что-то взять, а любили его, действительно любили. Он многим людям делал добро.

В 1937 году папу посадили. Как врага народа. Я знаю, что тогда сажали всех активистов, и он в ту пору уже был активистом. Но, к счастью, быстро выпустили. Ну как быстро — в 1937-м посадили, а в 1938-м выпустили. Тогда сняли Ежова, пришел Берия и часть народу повыпускали, папу в том числе.

А перед этим они познакомились с моей мамой. У папы к этому времени была первая семья. Дочка была, я с ней встречался, она приезжала к нам. Я понял так, что маму он встретил на комсомольском поприще. Она тоже была очень активной комсомолкой, заводной — это вообще в ее характере. И, когда папу посадили, маме в облземе прямо сказали, что нужно развестись и осудить врага народа, а она вместо этого носила ему передачи.

Сейчас говорят, это была массовая традиция такая: если тебя забирают, то все родственники и друзья приходят, каются и рассказывают, мол, мы всегда подозревали, что это антисоветская сволочь.

Но я точно знаю: к счастью, далеко не все соглашались отказаться от своих, далеко не все. И, как правило, это были лучшие люди, я уверен. Люди, которые не хотели приспособливаться, люди, у которых были собствен-

ные взгляды на жизнь. И они считали, что пусть лучше плохо, зато честно. Ну, собственно, как и большинство тех, кого посадили.

Когда папа вышел, вернулся на партийную работу. А секретарем горкома партии в это время в Днепре был Леонид Ильич Брежнев, который с папой встречался довольно часто. Уже потом, когда он был генсеком, папа всё собирался на встречу с ним, но так и не собрался.

А вот мама в отношении партии проявила принципиальность. Ее стопроцентно в любое время приняли бы в партию, но она не захотела вступать из внутренних убеждений. Я с ней об этом говорил, она сказала: я беспартийный большевик, все принципы большевиков одобряю и всячески их поддерживаю, а быть членом партии не хочу и не буду. Притом, что на самом деле человек была абсолютно советский, сомнений нет. Может быть, она видела какие-то вещи, которые ей не нравились.

Тем более что мама из такой семьи — екатеринославские пролетарии, кожевенники. В отличие от местечковых брагинских евреев, это все коренные пролетарии, которые работали на кожевенном заводе на дублении кожи. Жуткая, тяжеленая ручная работа: шкуры замачивали, чистили, таскали их на себе — очень тяжелый труд. И, кстати, именно поэтому они все были физически очень сильными ребятами. У мамы три брата, так старшенькие брали оси от вагонеток, которые катали, и вместо штанги их выжимали. Очень сильные люди. Старший из троих был как-то очень скромный, я и сейчас точно не знаю, чем он занимался, кроме того, что погиб на войне.

Средний из братьев попал сначала в ЧК, ЧК потом трансформировали в НКВД, а в НКВД были свои подразделения — внутренние и внешние. Так вот он попал во внешние, связанные с дипломатическими кругами, с разведкой. И там он как-то быстро продвинулся, его назначили начальником личной охраны Молотова. Вячеслав Михайлович Молотов был в то время министром иностранных дел — наверное, один из самых знаменитых советских министров. Кстати, когда подписывали пакт Молотова-Риббентропа, дядя ездил на встречу в составе делегации, и тетя Женя — его жена — показывала мне бумагу, план размещения мест на этом совещании, где было отмечено его место за столом.

Он долго и успешно возглавлял это подразделение, еще задолго до войны его наградили орденом и медалью за боевые заслуги. А в 1941 году произошел террористический акт, хотели убить Молотова. К счастью, он не пострадал, ну а дядю сразу разжаловали. И так он стал из майора НКВД рядовым в штрафбате.

Дальше была понятная история, которую можно увидеть по наградным листам. Как он был настоящим мужиком, так и оставался. Из штрафбата стать младшим командиром — оно же понятно, что такое точно не по благу давали, такое давали за то, как воевал. Собрал уже солдатские награды и погиб в 1943-м под Ленинградом. И почти в то же время недалеко, в Карелии, погиб и его старший брат, мой старший дядя.

Вот так у мамы из трех братьев двое погибли, а младший — дядя Гриша — отправился на войну, когда ему еще 18 не было, — добровольцем, приписал себе годик

и пошел. Он какие-то ускоренные курсы окончил, по моему, трехмесячные или двухмесячные, ему лейтенанта присвоили. Вот он войну довоевал, даже уволился только в 1946 году.

Он получил тяжелое ранение в руку, до кости мясо было вырвано и так ничего и неросло. Дядя как появился в Гомеле, для меня это был праздник: «Пацаны, а у меня же дядя офицер с войны вернулся!», про эту руку всем рассказывал, показывал, как награду великую: «Видите, какая рука?». А сколько ему было в том 1947-м? 20 лет. Совсем молодой парнишка, а он уже офицер отвоёвывавший и раненый.

Потом у него жизнь как-то по-дурацки сложилась. Он устроился на завод, где папа и мама работали, но очень недолго там поработал. Обнаружил в себе талант певца — он действительно очень хорошо пел — и поступил в консерваторию. В консерватории ему прочили хорошее будущее как певца. И где-то в 1951-м его опять призывают в армию. Причем он так этому сопротивлялся, а попал в итоге в Белорусский военный округ, замполитом какой-то связной роты.

Дядю там тоже услышали, забрали в Ансамбль песни и пляски Белорусского военного округа, солистом. И вот его снова выдирают из этого ансамбля и отправляют служить на Сахалин, замполитом какой-то батареи. Причем их отправили сначала не на Сахалин, они сидели на берегу напротив Сахалина. В чем разница? На Сахалине ограниченный срок службы, как на всех островах, — больше двух лет нельзя, а на берегу — хоть всю жизнь. И он попал туда. Сын у него чахлый рос, болел все время, жена

СЛАВА

не работала — негде, так что дяде уже точно не до песен было. Он с каким-то большим трудом перебрался на Сахалин, отбыл два положенных года и уволился.

Война — штука такая, что пока на войне, вроде все здоровы, на войне больных не бывает, там или убьют, или живой. А вот после все болячки полезли, дядя Гриша тяжело болел, очень тяжело. И при всём при том это был очень жизнерадостный мужик. Я с ним когда встречался, будто с какой-то радостью соприкасался.

ДЕТСТВО
